

1

Дэниел Рид много чего знал про бывших копов — в том числе и то, что коп так до конца и не умирает в тебе, когда тебя отправляют в отставку, увольняют по медицинским показаниям или просто вышибают под зад колёнкой за курение травы. Вроде уже четвертый год машет метлой на автовокзале, а вот поди ж ты — все-таки ощутил знакомое жжение где-то под воротничком, эдакое покалывание кожи, заставившее оторвать взгляд от ведра с грязной водой и растрескавшихся плиток пола под ногами.

Поначалу он пригляделся к какому-то молодняку. Те развалились на скамейке, податые и шумные, но дело было явно не в этом. Дальше настала очередь семейных пар с детьми и компашки хиппи, потом каких-то стариков, беременной женщины и солдат в форме. За стеклом у посадочной платформы чадил выхлопом двести пятнадцатый из Роли, а с десятков пассажиров дожидались своего багажа, пока старина Мак, обливаясь потом на жаре, вытаскивал чемоданы из багажного отсека и выстраивал их в ряд на платформе. Для Дэниела это был лишь один из тысячи точно таких же дней в маленьком южном городке, уставшем от войны. Совершенно неизбежно глаза его остановились на симпатичной девчужке в желтом платьице. Наверное, лет восемнадцати, с потрепанным чемоданчиком, в кожаных туфельках, уже начинающих просить каши. Он то и дело наблюдал за ней уже около часа — неспешные

переходы от одной стены к другой, плавные развороты, склоненная набок голова... Сейчас та застыла совершенно неподвижно, слегка раздвинув губы.

Проследив за ее взглядом, в полутемной нише у выхода на платформу Дэниел приметил какого-то молодого человека. Угловатый, поджарый, тот остановился футак в пяти от двойных дверей и уже довольно долго стоял там, изучая людей в зале. Вьетнам, первым делом подумал Дэниел, причем явно недавно оттуда. Что-то было в том, как именно тот стоял, в этой его настороженности. Когда парень наконец шагнул на свет, Дэниел смог получше его рассмотреть: футболка «Лед зеппелин», выступающие скулы, ремень из черной кожи, бирюзы и потемневшего серебра... Когда тот прошел мимо, подметая пол под старыми высокими ботинками клешами линялых джинсов, от него пахло дизельным выхлопом и табаком. «Детектив...» — бросил на ходу парень, едва заметно склонив голову, но Дэниел быстро отвернулся, стыдясь того, что он старый, обкуренный, да и давно уже никакой не коп. Выждал, пока стеклянная дверь на пружине не выстрелит в зал ярким солнечным бликом, а потом попросил у билетной кассирши разрешения воспользоваться телефоном. Та придвинула к нему аппарат, и он набрал номер, который помнил наизусть с давних времен. Спросил детектива, фамилия которого тоже еще не стерлась из памяти.

— Минутку!

На линии воцарилась тишина, а Дэниел продолжал наблюдать за молодым человеком, который только что пересек оживленное шоссе, перейдя под конец на тротуар и на миг скрывшись за возмущенно рявкнувшей сигналом фурой. В ярком солнечном свете его железная стать с обилием острых углов еще больше бросалась в глаза: бедра, плечи, угол подбородка... Стрельнув взглядом через плечо, парень опустил на глаза солнечные очки.

«Вот жопа», — подумал старый коп.

«Просто... жопа».

Детектив Френч ответил на звонок, присев за письменный стол своего напарника.

— Френч, — произнес он, после чего немного послушал. — По-моему, вряд ли...

Послушал немного еще, а потом поблагодарил звонящего и повесил трубку.

Бросил взгляд на знакомые черты лица напарника. Они с Кеном Барклоу работали вместе уже двадцать лет, и у обоих практически не было секретов друг от друга. И вот теперь одному из таких крайне немногочисленных секретов предстояло выплыть наружу.

— Джейсон в городе. Это Рид, с автовокзала.

— Да Рид уже окончательно сторчался...

— Не настолько сторчался, чтобы не узнать моего старшего сына.

Барклоу откинулся на стуле, с жестким лицом, явно недовольный.

— А я-то думал, Джейсон все еще в тюрьме...

— Уже в какой-то общаге службы социальной адаптации в Роли. Семь недель как.

— И ты даже не подумал сказать мне, что он освободился?

— Мне нужно позвонить жене.

Френч покрутил диск, глядя, как играющие на лице напарника эмоции сменяют друг друга. Обида. Тревога. Злость.

— Не отвечает!

— Думаешь, он двинет домой?

— Только не после того, как все тогда закончилось.

— Откуда такая уверенность?

— Он не станет устраивать такого своей матери. Только не после того последнего раза.

— Тебе, конечно, видней, но все же подумай хорошенько. Вьетнам. Тюрьма. Черт его знает, на что он способен... Ты ведь слышал все эти истории.

Френч с силой провел ладонью по лицу, безрадостно вздохнул.

«Двадцать девять уничтоженных солдат противника... Двадцать девять официально подтвержденных узаконенных убийств...»

Вот что первым делом приходило на ум, если говорить обо всех этих историях: двадцать девять трупов в первый же год службы.

Набрав еще несколько номеров и выслушав одни и те же ответы, он повесил трубку.

— У соседей ее нет, у подружек тоже.

— А как тогда насчет Гибби? Если Джейсон пойдет не домой...

Фраза осталась неоконченной, и Френч подумал про Гибсона, своего младшего сына.

— Гибби в школе. За него можно не переживать.

— Ну-ну. А как же День прогульщика?

Френч быстро подсчитал в уме и понял, что напарник прав. День прогульщика стал традицией еще с первого года призыва. Последние три пятницы перед выпускными экзаменами старшеклассники забивали на школу и отправлялись на заброшенный карьер к югу от города. Учителя закрывали на это глаза, полиция тоже. Гибби наверняка сейчас там — он просто *должен* быть там, как и все остальные. Такое вот прощание с детством в свете войны в каких-то долбаных заморских джунглях...

— Давай-ка лучше я загляну на карьер. — Барклоу встал. — А ты пока разыщи жену и сообщи ей, что Джейсон в городе. И вот что — с ходу не оглоушивай. Подготовь ее.

— Я должен сам со всем этим разобраться.

— Не дури. — Барклоу влез в куртку, проверил табельное оружие. — Даже Супермен не может находиться в двух местах одновременно.

* * *

Уильям Френч не был гением, и у него хватало ума понимать это. Если он и добился чего-то в жизни, то в первую очередь благодаря уравновешенному и твердому характеру — целеустремленный человек, который стал

лучшим копом, чем ему полагалось по праву. То же самое и с его браком. Габриэла была слишком хороша для него еще тогда, когда они только познакомились, и по-прежнему оставалась не парой ему в тот день, когда они поженились. Он как-то спросил у нее, как это выпускница Вандербильта¹ с дипломом по английской литературе, заливавшая светом каждую комнату, в которую только входила, могла вообще связаться со студентом-недоучкой из заштатного колледжа, вот уже три года работающего там, где его могли в любой момент убить. В ответ она чмокнула его в щеку, приложила ему руку к сердцу и произнесла: «Больше меня вообще никогда об этом не спрашивай!» Три сына и тридцать лет спустя Габриэла по-прежнему оставалась даром небес — даром всей его жизни, — но одного сына она уже потеряла.

«А теперь еще вот это...»

Френч остановил машину напротив своего дома и подумал, как это часто случалось, насколько пустым тот кажется. И это тоже имело непосредственное отношение к войне. Похоронив своего старшего сына, теперь они наблюдали, как его брат-близнец вернулся с того же самого конфликта, только чтобы неуклонно скатываться на дно по стремительно сужающей круги спирали — насилие, наркотики, тюрьма... В этом смысле Вьетнам убил уже двоих из трех их сыновей: Роберта — пулей в сердце, а его брата — куда более изощренным способом. Джейсон никогда не говорил о том, чем занимался, служа своей стране, но у Барклоу имелся один дружок в Министерстве обороны. Тот отказался сообщить подробности, но как-то обмолвился, что была война, и была ВОЙНА, и что Джейсон воевал как раз на последней.

— Габриэла?

¹ Университет Вандербильта — престижный частный университет, находящийся в Нэшвилле, штат Теннесси. Основан в 1873 г. на деньги Корнелиуса Вандербильта, одного из богатейших и успешнейших предпринимателей США XIX в., основателя плутократического рода Вандербильт. *Здесь и далее — прим. пер.*

Тишина в доме была хорошо знакома по всем этим годам, наполненным горем, — в несуразно большом доме, какие-то части которого были словно вырезаны напроочь. Приближаясь к спальне, Френч услышал звук льющейся воды и остановился перед приоткрытой на дюйм дверью ванной комнаты.

— Дорогая?

Габриэла лежала в ванне в полной темноте, но он мог различить ее силуэт на фоне кафельной плитки.

— Не включай свет!

Френч убрал руку от выключателя, гадая, знает ли она уже или же только предполагает. Когда глаза привыкли к темноте, он более ясно различил ее очертания. Вода поднялась до ложбинки между ее грудями, руки обхватывали колени.

Не оборачиваясь, Габриэла произнесла:

— Это из-за него ты здесь?

— Ты о чем?

Тут она склонила голову набок, в нацеленном на него глазу мелькнул яркий огонек.

— Ты не являлся домой средь бела дня с тех самых пор, как мы только поженились. Я спрашиваю: ты здесь из-за Джейсона?

Френч с несчастным видом вздохнул.

— Кто тебе сказал, что он вернулся?

— Мэрион звонила. Она видела его на площади. Волосы у него теперь длиннее, но она сразу узнала его. Сказала, что он бледный, что тюрьма стоила ему добрых двадцати фунтов веса.

— Я с этим разберусь, Габриэла, обещаю.

— Гибби наверняка захочет повидаться с ним, провести время...

— Я этого не допущу.

— И как же ты этого не допустишь?

— Габриэла...

— Он опасен, Билл! Он опасен для нашего сына. Неужели ты этого не видишь? Неужели не чувствуешь?

Френч опять вздохнул и опустился возле ванны на колени. Габриэла честно пыталась найти место в своем сердце для человека, которым стал Джейсон, но тот отнюдь не пытался облегчить ей эту задачу. Героин. Тюрьма. Влияние, которое он оказывал на Гибби. Пока Джейсона не осудили, единственное, чего хотелось Гибби, это постоянно таскаться в тени своего старшего брата, расспрашивать про морскую пехоту, про войну и про то, не стоит ли и ему самому завербоваться во Вьетнам.

— Послушай, — сказал Френч. — Я просто хотел лично сообщить тебе, что Джейсон опять здесь, и пообещать, что я поберегу Гибсона.

— Небось, считаешь меня дурочкой? Взбалмошной, помешанной на опеке дурочкой?

— Ни в коем случае.

— Будь ты матерью, ты бы понял.

— Джейсон в жизни не причинит вреда своему брату.

— Намеренно — да. Не по злобе.

Остальное супруга оставила недосказанным, но он понял ее более глубокие страхи, ее беспокойство касательно того, что Джейсон способен развратить брата, вовлечь его во что-нибудь противоправное, заложить ему в голову опасные мысли.

— Гибби сейчас не в школе, — добавила она. — Ты вообще в курсе?

— Да, День прогульщика. Сейчас он наверняка на карьере со своими друзьями. Кен уже поехал его искать.

— А что, если Джейсон найдет его первым?

Френч отвернулся, чтобы не видеть страха в глазах жены. Гибби был для нее всем миром, а Джейсон — разрушителем миров.

— Я сейчас тоже туда съезжу, — заверил он. — Разыщу его.

— Поезжай уж, будь добр. Привези его домой.

Френч встал, но не вышел из ванной. Затолкал руки в карманы и опустил взгляд на макушку жены, на изгиб смутно белеющего сырого плеча, на очертания ее тела под покровом темной воды.

— Рано или поздно Гибсон все равно захочет повидаться с братом.

— Просто постарайся, чтобы это случилось как можно позже.

— Джейсон провел в тюрьме больше двух лет. Он отсидел свой срок.

— Важен только Гибби. Прости, Билл, но это так.

— А ты не хочешь хотя бы просто поговорить с ним?

— С Джейсоном?

— Да.

— Про что? — спросила Габриэла. — Про героин?

2

Для разных людей этот карьер означает разные вещи. Для меня это в первую очередь обрыв. Говорят, что от верхушки утеса до поверхности воды — ровно сто тридцать футов¹, и с воды это примерно похоже на истину: вздымающаяся ввысь стена гранита, серое небо над ней... Из-за этой сливающейся воедино серости утес кажется маленьким, и я знаю, что думают люди, лежа на воде на спине или глядя на него с узкого бережка на противоположной стороне карьера.

«Да я запросто это сделаю!»

Чем больше выпито, тем более уверенными в себе они становятся. Это всего лишь вода, говорят они себе, просто нырок. Чего тут сложного?

Но потом они поднимаются на самый верх.

Первый подходящий уступ — футов в шестидесяти над водой, и люди и вправду с него частенько прыгают. Хотя на следующий уступ поднимаются лишь совсем немногие. Там где-то футов восемьдесят, но почему-то кажется, будто он вдвое выше того предыдущего. Те же, у кого хватило духу добраться до самой вершины, обычно опасливо перегибаются в поясе и смотрят вниз с таким видом, будто за

¹ 130 футов — почти 40 м.

время их подъема наверх законы физики могли каким-то чудесным образом перемениться.

«Семьдесят миль в час в момент соприкосновения с водой...»

«Четыре полные секунды, чтобы оказаться там...»

С высоты тринадцати этажей вода кажется стальной плитой, и люди начинают вспоминать ранее слышанные истории: про какого-то мальчишку, который насмерть убится здесь в пятьдесят седьмом, про одного самоуверенного спортсмена-бейсболиста, который неудачно вошел в воду — да так, что его собственное колено врезалось ему в челюсть, раздробив ее на четыре части и снеся все зубы с правой стороны рта. Я уже сто раз такое видел. Парни бледнеют, а их подружки говорят: «Не делай этого, я просто пошутила!» Я не единственный, кто уже прыгал отсюда «солдатиком», ногами вперед — кое-кто тоже пробовал, — но только у одного-единственного человека хватило пороку прыгнуть с самой вершины «ласточкой», войдя в воду вытянутыми перед собой руками и головой, и этим человеком был мой брат.

Тот, которого уже давно нет в живых.

— Ну же, чувак! Если собрался прыгать, так давай уже прыгай, — голос у меня за спиной принадлежал моему лучшему другу. — Сам знаешь, что Бекки смотрит.

Я заглянул вниз в карьер и увидел Бекки Коллинз, плавающую на надутой автомобильной камере футах в ста от утеса. Она казалась совсем крошечной, как и все остальные, но больше ни на ком не было такого ослепительно-белого бикини. Ее голова была откинута назад, и мне показалось, что она смеется. Как наверняка и девчонка рядом с ней. Вокруг них на надувных матрасах и автомобильных камерах устроилась чуть ли не половина наших одноклассников. Остальные маячили на дальней стороне карьера, или в лесу, или еще только подходили от машин, поблескивающих вдалеке, словно россыпь разноцветного стекла.

— Так будешь прыгать или нет?